

Полет

Я умерла в полночь. Если быть совсем точной, то без пяти двенадцать (я еще на часы успела посмотреть — гляжу, двадцать три часа пятьдесят пять минут). Потом — свет фар, визг тормозов — вжик! Трррр! Тсзззззззз! И меня не стало.

Но главное даже не в самом факте моей кончины, а в том, что смерть моя вышла до крайности глупой и несвоевременной.

Впрочем, чему ж тут удивляться? Она была настолько же нелепой и абсурдной, как и вся предшествующая ей жизнь. Обидно! Лишь к тридцати годам, после восьмилетней совместной жизни с распущенным невротиком, после развода с ним, когда я наконец-то поняла, какой именно человек должен быть рядом со мной и чей образ не выдуман мною — он существует на самом деле, — меня постигла трагическая смерть. Только вот где он

теперь? Этого я не знала. Через полгода после развода с Геннадием Дубовым, законченным психопатом, меня вдруг осенило: а что, если попытаться найти свою первую любовь? Моего прекрасного, щедрого и немногословного ассирийского принца Варфоломея, в которого я со всей пылкостью и страстностью шестнадцатилетней девчонки влюбилась четырнадцать лет тому назад? Он ведь тоже души во мне не чаял четырнадцать лет назад, в свои восемнадцать. Даже кольцо на память подарил — древнее кольцо с рубином, которому теперь и цены-то нет и которое в его роде передается из поколения в поколение — от жениха к невесте.

По преданию (а именно на основании приложения мидоперсидских источников), перстень этот сам Нин — основатель ассирийского могущества — преподнес своей будущей жене Семирамиде, азиатской завоевательнице и строительнице Вавилона. Засим кольцо было передано сыну Нинию, который, надо сказать, отличался редкостной бесхарактерностью и мягкотелостью и так далее, — затем переходило оно еще к тридцати трем государям; попало к Сарданапалу — тому самому, который предал пламени дворец вместе с собой, дабы не отдаться живым в руки осаждавших его вассалов. И так далее, и тому подобное... Пока не добралось до принца Варфоломея, который, питая к моей персоне самые нежные чувства, не преподнес его мне. Правда, после сего поистине царского подарка на моего любимого обрушились его родственники, чему я была свидетельницей: спрятавшись за дверью на веранде под виноградными шпалерами, я слышала все. Вернее, то, что было сказано на русском языке, но мне

и этого хватило. Оказалось, что у Варфоломея уже была невеста — ассирийка по имени Хатшепсут (нечего сказать, странное имя — наверное, ее называли так в честь египетской царицы, которая с 1525 по 1503 год до нашей эры умудрилась профукать владения Египта в Палестине и Сирии и выходила к подданным, натянув на подбородок чужую бороду, старательно изображая из себя фараона) и что после армии он непременно должен жениться на ней, предварительно подарив ей тот самый перстень, который уже красовался у меня на безымянном пальце левой руки.

— Мужчина привязан за язык! — напористо врзумляла его мать. — С нас хватило Марата! Он женился хоть и на ассирийке, но не из нашего рода. Этой семейке все равно, за кого выдавать своих детей! Лишь бы пристроить! Ты прекрасно знаешь, именно из-за нашего негативного отношения к выбору Марата мы лишили его кольца! Так ты оказался еще хуже! Вон что удумал!

— Обещание свободного — долг! — вторил отец.

— Я ничего не обещал Хатшепсут! Не знаю, о чем вы договаривались с ее родителями! Меня это не касается! Сами женитесь на ней, раз вас за язык привязали! — негодовал мой принц.

— Эта русская девушка — всего-навсего гостья, а наш народ гостеприимный! — шептала мать. — С приходом гостя в дом приходят счастье и радость, но существуют и правила поведения в чужом доме! И первое из них — пришелец не должен вмешиваться в дела семьи.

— Гость не должен слишком долго оставаться в чужом доме!

— Ага! И не должен слишком много пить и есть! — усмехнулся Варфоломей.

— Да! Ходи в гости через день — и ты завоеешь любовь, гласит народная ассирийская поговорка! Тут нет ничего смешного! И ты, Варфик, все равно женишься на Хатшепсут! Мы закажем точно такое же кольцо ювелиру и подарим ей в день помолвки!

— Не выйдет! Я никогда не женюсь на Хатшепсут! У нее уже в пятнадцать лет борода растет! Представляю, в кого она превратится к тому времени, когда я приду из армии!

— Ну и что! Подумаешь, у девочки повышенная растительность! Это не смертельно!

— Хватит! — прогремел глава семейства. — Ты прекрасно знаешь, что наши мужчины женятся только на ассирийках! Это традиция! Нас и так осталось не слишком много!

— Расисты! Я никогда не женюсь на вашей образине!

За дверью перешли с русского на современный ассирийский язык, и понять, о чем говорилось далее, я уж никак не могла, но мне было достаточно и того, что я услышала. Через двадцать минут на веранде появился Варфик и сказал, что любит только меня и будет любить всю оставшуюся жизнь.

— А перстень никогда не снимай с руки. Пусть он напоминает тебе об этом.

Потом я улетела в Москву, мы еще какое-то время переписывались, через месяц Варфоломей навестил меня — он был проездом в Москве, и наша встреча длилась всего два часа... Потом я переехала на новую квартиру, мы потеряли связь друг с дру-

гом, и все закончилось: у меня началась своя жизнь, и у Варфика, вероятно, тоже.

И вдруг мне в голову засела мысль отыскать его. Я часто вспоминала своего принца, глядя на кровавый рубин перстня, но о том, чтобы найти его, не думала никогда. А если я разыщу его? Что скажу? Как ответить на вопрос — зачем я его искала? Возможно, Хатшепсут избавилась от повышенной растительности, сделала пару пластических операций и теперь — красавица хоть куда! Может быть, они с Хатшепсут счастливы в браке, и у них много детей — пять мальчиков и пять девочек? А тут я — без всякой видимой причины, как снег на голову! Однако все эти вопросы, хоть и посещали меня, изгонялись самым решительным и беспощадным образом. Я загорелась! Мне приспичило! Да! Вот так вот! В крайнем случае разыщу, посмотрю на него и уеду обратно в Москву! Так думала я месяц тому назад, но поиски мои оказались тщетными — я то нападала на след любимого, то вновь теряла его...

...И все-таки досадно — и жизнь глупая, и смерть глупая, и я сама, наверное, была очень глупая. Хоть бы для разнообразия отход мой в лучший мир мог нести в себе какой-то смысл или быть красивым! К примеру, пала бы я на поле боя или умерла бы на сцене, доиграв до конца свою роль... и вдруг под бурные овации ноги мои подкашиваются, и я, как в замедленной киноленте, плавно опускаюсь на пол без чувств. Или, спасая жизнь другу, я заслоняю его собой и отдаю богу душу на его благодарных руках.

Но нет, все случилось совсем не так! Я спасала не друга, не случайного прохожего, не ребенка и даже не собаку или кошку. Если бы я жила в Америке

и, соответственно, там умерла, вне всяких сомнений, мои родственники бы получили приличную денежную премию за мою смерть, как за одну из самых бессмысленных. Я где-то читала, что один мужчина, выключив свет, улегся в постель, закрыл уже глаза, приготовившись увидеть чудесный сон, как в ночную тьму комнаты врезался телефонный звонок. Бедняга схватил с прикроватной тумбочки трубку, крепко сжал ее, но «хелло» сказать не успел, потому что за телефонную трубку принял в темноте лежавший рядом револьвер. Нечаянно нажал на курок, и... его родные получили много денег и, наверное, растерялись на похоронах — они не знали, что им делать: оплакивать покойного или, не скрывая своей радости, веселиться упавшим с неба долларам.

Я же решила спасти ежика. Он сидел на дороге, разделяющей деревню Хаврюшкино, что находится в сорока километрах от Москвы, на две части, а я возвращалась к себе от подруги, которой до полуночи изливала душу о несчастной, неудавшейся любви своей.

Полная луна, словно прожектор, вмонтированный в небо, ярко освещала деревянные домики, белые стволы берез, даже плакучую иву у пруда на окраине и длинные иголки большого, видимо, уже старого ежа на асфальте.

Я подошла к нему вплотную и топнула ногой, надеясь, что он сразу убежит, почувствовав опасность, но мои расчеты не оправдались.

— Ты что, дурачок? Ты что посреди дороги уселся? — спросила я, но ответа, понятно, не услышала. — Иди отсюда! Тебя ведь машина задавит! —

крикнула я и принялась прыгать возле него. Он продолжал сидеть. «Упрямый какой! — рассердилась я. — А может, он неживой? — вдруг пришло мне в голову, и я, сев на корточки, дотронулась до его черного кожаного носа — иголки поползли на мордочку — ежик свернулся в клубок. — Он, наверное, глухой и слепой! Не оставлять же его тут!» — и я решила во что бы то ни стало убрать ежа-инвалида с дороги, а потом вынести ему блюдце молока и половинку яблока. От предвкушения кормления слепоглохого ежика тепло наполнило мою душу, и я приступила к ликвидации «старикана» с пустой автотрассы.

Конечно, можно было бы просто наподдать представителю семейства млекопитающих отряда насекомоядных ногой, но подобное и в голову мне не могло прийти! Во-первых, в открытых босоножках я исколола бы все пальцы, а во-вторых, это ведь не футбольный мяч, чтобы его подбрасывать!

Сначала я пыталась ухватить его подолом длинной юбки — безрезультатно: все руки испещрены иголками — еж упорствует. Я огляделась, схватила длинную разлапистую ветку (кажется, липовую) и принялась ею, словно веником, выметать слепоглохого «старикана» с трассы. Ветка переломилась — еж-инвалид не сдвинулся ни на миллиметр.

Я все больше входила в раж от процесса спасения бедного животного и твердо решила, что никуда не уйду с дороги, пока не уберегу его от нависшей угрозы. Мне казалось совершенно недопустимым бросить зверька тут, ночью, на проезжей части. Я живо представила, как по нему проезжает грузовик (в этот момент почему-то нарисовался

именно грузовик), и от моего маленького колючего дружка остается мокрое место. Чем дальше я стояла возле него, тем больше трогала меня его дальнейшая судьба — он за несколько минут стал мне близким и родным. «А может, это и не еж вовсе! Может, ежиха! Кормящая мать! И где-нибудь в лесу ее ждут ежата-малютки! Что же делать-то?! Неужели малыши никогда не увидят свою мать?!» — думала я, комок подступил к горлу, и слезы сами собой навернулись на глаза.

Я посмотрела на часы — они показывали 23.55 — и все-таки пошла на крайнюю меру:

— Прости, но по-другому никак не получится, — извинилась я перед ежихой и ударила по ней, как по футбольному мячу. В это мгновение все и произошло — свет фар, визг тормозов:

— Вжик! Трррр! Тсззззззззз!

Я почувствовала ужасающую, резкую боль каждой клеткой своего существа и, конечно, ничего не поняла. Боль быстро прошла, тело мое стало легким-легким, словно пушинка, — настолько, что закон земного притяжения никак не мог более удерживать его, и я полетела. Все выше и выше — над трассой, над деревней, над плакучей ивой у пруда на окраине, над полями, над нашим домом и домом моей лучшей подруги Людки, которой я изливала душу весь сегодняшний вечер, плачась о своей несчастной любви, вернее, о том, что мне так и не удалось разыскать объект моей сердечной склонности... Как вдруг парение мое кем-то или чем-то было остановлено, и я повисла в воздухе над тем самым местом, где только что сидела ежиха. Теперь там стояла темная длинная иномарка и, привалив-

шись к фаре, полулежала-полусидела... я! Какая-то отяжелевшая, ватная, неживая. Из машины выскочил высокий, хорошо сложенный мужчина (мой, наверное, ровесник), бросился ко мне, вцепился в плечи, затряс, что-то шепча. На моем пальце в холодном лунном свете блеснул кровавый рубин древнего перстня, подаренного мне при разлуке давным-давно, в далеко ушедшей юности, первой моей любовью — восемнадцатилетним ассирийским принцем...

Последнее, что я увидела, — это небольшой овражек у трассы. В высокой, едва пожухлой августовской траве сидел еж, высунув из-под иголок курносую, поднятую к небесам мордочку.

После этого я очутилась в крошечной темноте. Я стремительно двигалась куда-то, но непонятно — вперед или назад, вверх или вниз. «Вероятно, я умерла», — догадалась я, и — удивительно! — это словосочетание не вызвало во мне ни страха, ни ужаса, как обычно бывает при жизни. — Напротив, невероятное и неиспытанное еще до сих пор спокойствие и умиротворение овладело мною. Странно, но даже неизвестность и темнота (какая, наверное, может быть только под землей, да и то на большой глубине) не вызывали ни трепета, ни беспокойства. Вскоре далеко-далеко я увидела свет — мягкий и одновременно яркий, белый, лунный, но в то же время он не был холодным — наоборот, он притягивал к себе своей теплотой — именно теплотой, а не раскаленным огненным пламенем. И мягкость, магнетизм и теплота казались теперь совсем другими понятиями — неземными: все они несли в себе несколько иную смысловую нагрузку, чем ту, при-

вычную, какую мы имеем в виду, когда произносим эти слова. Сейчас они открывались в своих переносных значениях. К примеру, тепло в первую очередь воспринималось мной теперь не как нагретое состояние чего-либо, а как доброе, отрадное чувство, мягкость — это отнюдь не свойство чего-то легко сжиматься, а кротость и снисходительность. Также дело обстояло и с магнетизмом.

Сколько я летела — не знаю, потому что времени, как я поняла, не существует — это люди придумали для себя циферблат со стрелками, чтобы, подобно им, крутиться целыми днями по одному и тому же кругу, не отступая от установленных привычек, сна и регулярного приема пищи. Я осмотрелась и поняла, что движусь по туннелю, сужающемуся в конце — там, где маняще полыхал яркий притягивающий свет.

Наконец я долетела до него — вот-вот, и я попаду в то место, что пугает людей всего земного шара своей неизвестностью. «И мне совсем не страшно! Совсем не страшно!» — Казалось, что я кричу.

И вдруг на той разделяющей свет от тьмы полосе меня подняла ввысь какая-то сила — такое впечатление, что я оказалась на гребне огромной штормовой океанической волны, — и с силой вынесла меня на свет.

Часть первая

Нежный возраст

— Делов-то! Стоило так кричать! — недовольно буркнула толстая тетка в медицинском колпаке, халате и клеенчатом фартуке и, ловко усадив мое пятидесятисантиметровое тельце на огромную ладонь свою, ка-ак треснула меня по заднице. «Ни слова не скажу! Не дождется!» — подумала я, и опять удар по мягкому месту — такой, что искры из глаз посыпались.

— А-а-а! — заорала я, как сирена, так что тетка сама, видать, была не рада, что шлепнула меня во второй раз.

Я, продолжая вопить, оглядывалась по сторонам — интересно все-таки, куда это я попала? Какая-то комната, выкрашенная в бледно-салатовый с голубоватым оттенком цвет; сквозь замасленное белой краской окно сверху, просачиваясь, врывается солнечный свет. Напротив, на стене — круглые часы показывают 13.45. «Значит, время снова существует, — промелькнуло

у меня в голове. — Стало быть, я опять попала туда же, откуда пришла!» На кресле полулежала симпатичная девушка с измученным бледным лицом. Ба! Да это ж мамочка моя!

— Не хочу оставаться тут! Мама! Роди меня обратно! В туннель! Там нет времени, там спокойно, там есть к чему стремиться! Не желаю снова бегать по кругу, как белка в колесе! — кричала я, но на это мое требование никто не отреагировал — окружающие вообще не слышали, казалось, ничего, кроме моих невразумительных сигнализационных воплей.

Кончилось все тем, что меня, будто деревянное поленце, запеленали и положили рядом с точно такими же «поленцами», предварительно прицепив по рыжей клеенчатой бирке на ногу и на руку, подписанные «Матрена Перепелкина». Но это только на первый взгляд все младенцы, что лежали и горланили от голода, были такими же, как я. Совсем нет! И вообще, может, они вовсе не есть хотели, а со мной желали познакомиться, потому что я коренным образом отличалась от остальных грудничков — я среди них была единственной представительницей женского пола.

«Ничего не понимаю! Мне что, придется прожить собственную жизнь во второй раз? Это и есть загробная тайна?» — поразилась я и вдруг увидела, что малыш, лежащий слева, смотрит на меня голубыми глазами, не моргая. Думает, я приду в восторг от цвета его глаз!

— Да у всех младенцев в первые недели глаза голубые! — сказала я ему, и он горько заплакал.

Несомненно, все это уже было в моей прошлой жизни — маму мою действительно зовут Матрена

Ивановна, а фамилия у нее тогда была Перепелкина, и она мне раз сто рассказывала, что я в палате была единственной девочкой — остальные семь младенцев были мужского пола. И что однажды меня с кем-то перепутали, и ей принесли кормить парня.

— Я сразу почувствовала — что-то тут не так! — говорила мама. — Запах какой-то не твой, и в грудь как вцепится! Ну, настоящий мужик!

«Вот где нужно свою судьбу устраивать! Вокруг семь настоящих мужиков, смотрят на меня, аж шеи свернули, есть просить перестали, а я случаем не пользуюсь — в той жизни всех проворонила, теперь надо быть умнее!» — решила я, однако привлечь внимание сильного пола не так-то легко, когда ты закутана в пеленки с головы до пят, словно гусеница в кокон. Единственное, что мне удалось сделать, так это примириться с соседом слева, и в знак глубочайшего своего расположения к нему я подмигнула, словно давая знать — мол, ты мне тут больше всех нравишься.

Потом повернулась к кавалеру справа и моргнула ему другим глазом, сказав при этом:

— Если живешь по соседству, вместе будем в колясках прогуливаться, — и назначила ему свидание ровно через месяц и десять дней во дворе у второго подъезда в два часа дня, ибо я знала, что именно в этот день и час родительница моя решит впервые выгулять свое чадо. Но, кажется, этот крикливый петух ничего не понял — он тарашился на меня с минуту, а потом вдруг как зальется!

Многие говорят: «Если б мне была предоставлена возможность прожить жизнь заново, я бы сделал

то-то и то-то, а того-то и того-то совсем бы делать не стал!» Все это чепуха, скажу я вам! Ничего нельзя изменить! За неделю пребывания в роддоме в обществе семи человек мужского пола я так и не смогла ни с одним из них свести знакомство, не говоря уж о чем-то большем! Даже тот сосед, что постоянно лежал по правую сторону и умудрился побывать сыном моей матери по причине халатности медицинского персонала, не появился через месяц и десять дней в нашем дворе у второго подъезда в два часа дня. После этого уже можно было сделать вывод о противоположном поле и впредь не попадаться на их дешевые подмигивания, томные взгляды и отказы от еды. Однако неудачи с мужчинами никогда не вразумляли меня, а, напротив, лишь воодушевляли на новые, порой совершенно безрассудные, сумасбродные, поистине сумасшедшие подвиги. Чего уж тут изменишь? Не пойдешь ведь против обстоятельств!

На третий день нашего с матушкой пребывания в роддоме меня, как обычно, ближе к вечеру принесли к ней «ужинать».

— Девочки, — робко проговорила очень интеллигентная тетенька в очках (ей мальчика не давали, потому что молока у нее не было — похоже, и груди как таковой у нее тоже не было), — мне так стыдно! Так стыдно! — И она залилась краской.

— Ирка! Что опять случилось-то?! — спросила Клава, грубоватая девица с тоненькой длинной косичкой, небрежно перекинутой через плечо на мощный бюст, которая перед кормежкой вечно поджидала нас в коридоре, а завидев, бежала оповестить

палату: «Девки! Готовьтесь! Их уж погрузили и везут!»

— Кажется, я сейчас сделаю кое-что неприличное, — пискнула интеллигентка, и лицо ее стало красным, как помидор.

— Валяй!

— Боюсь, упусти! Точно, упусти! Всю кровать испачкаю, и все тогда!

— Так беги в туалет! Скорее! — скомандовала моя родительница.

— Беги! — пробасила девица с косичкой.

— Не могу я! У меня ведь швы!

— Судно! Вот судно!

— Не смогу я в судно!

— Это почему?!

— Не сосредоточусь я при вас!

— Не дури! На судно! — Клава нетерпеливо трясла перед ее смущенным лицом бледно-желтой эмалированной уткой.

— Поздно уже! Упустила! Я так и знала! — И Ира заплакала.

— Девки! Смотрите! Это чей это?! Это чей это мужик в одном костюме и в белой шляпе по водосточной трубе наверх карабкается? — Клава от неожиданности даже от окна отшатнулась, выпустив из руки судно. — Конец января, а он без пальто! Ой! Ха! Ха! Ха! — закатилась она. — Шляпу ветром унесло! Ой! Не могу! Идите, посмотрите! Вот умора! Внизу баба какая-то пьяная ее ловит и кренделя ногами выделывает! Вроде приличная на вид!

— Ну все, Аделька! Это по нашу душу! — прошептала мамаша и, поднявшись с койки, понесла меня к окну так осторожно, словно стекло в мыль-

ной пене. — Алексей Петрович! Поезжайте домой! Немедленно!

— Матрен! Это твой муж? — с нескрываемым любопытством и ужасом спросила Клава.

— Девочки! Кто-нибудь! Позовите нянечку! — выдавила из себя девица в очках.

— Свекор! — ответила мама.

— А-а, — понимающе и даже с облегчением протянула Клава, в то время как Алексей Петрович с жаром барабанил в окно, требуя показать внучку.

— Вот! Вот! Смотрите и поезжайте домой! — злобно прокричала мамаша, интенсивно раскрывая рот, надеясь, что свекор поймет ее по губам.

— Да сто з это за палата-то такая! — возмущалась санитарка — дородная бабка с проваленным беззубым ртом. — Позему посторонние за окном! — прозвучало как «человек за бортом». — И сто это за вонь у вас какая-то? Фу! Сто это? А? — И крылышки ее носа быстро задергались. — Опять кто-то обделался! Мерзавки! Поганки! Опять белье менять! Паразитки! — Она еще что-то кричала, но я уж не слышала, потому что меня «погрузили» в тележку вместе с «настоящими мужиками» и увезли вон из скверной палаты.

А еще через четыре дня меня, закутанную в одеяло, с прикрытой от ветра кружевным уголком физиономией, мамаша вынесла на улицу. На сей раз познакомиться с родным отцом мне не удалось, потому что в это время он служил в армии, а нас вместо него встречал его двоюродный брат Григорий, очень похожий на маминого мужа. Настолько, что нередко его просили побыть за Диму (т.е. за моего папашу), так как последний в самые ответственные

и торжественные моменты отсутствовал. Спасало моего загадочного отца лишь то, что отлучки его носили исключительно деловой характер и всегда оправдывались уважительной причиной — будь то служба в армии или поступление в военное училище. Да, да! Военное училище. За день до свадьбы с любимой своей Матреной, которую он, надо заметить, добивался самыми отчаянными способами — умолял будущую тещу, которую стал называть «мамой» задолго до бракосочетания, обещал горы золотые, говорил, что повесится, если та ответит отказом на его предложение и выдаст дочь за кого-нибудь другого. Все эти доводы тронули сердце «мамы», тем более что ее непутевая дочь уж была на третьем месяце беременности, но самое главное, что повлияло на положительный ответ Зои Кузьминичны (моей теперь бабушки), так это то, что Дмитрий совершенно очаровал ее со всех сторон — как внешностью, так и внутренними своими душевными качествами. И ничто теперь не могло изменить ее решения: ни то, что Дима Перепелкин считался самым отъявленным хулиганом школы, ни протесты любимого первенца Леонида, ни то, что молодым лишь три месяца назад исполнилось по восемнадцать лет. На бабушку слишком сильно подействовали двухметровый рост жениха дочери, сорок пятый размер его обуви, волевой подбородок, контраст темных волос его с голубыми ясными глазами. Теперь она во всем видела знаки, которые были ниспосланы свыше — будь то беременность дочери или тот факт, что родители мои появились на свет в одном роддоме, в один и тот же год и день. И она в конце концов сказала «да».

А за день до свадьбы Дмитрию Перепелкину взбрело в голову отправиться то ли в Саратов, то ли в Рязань поступать в военное училище. Поцеловав невесту, он заверил ее, что уже к вечеру будет дома, и уехал. Но ни к вечеру того же дня, ни ночью, ни следующим утром он не вернулся. Обстановка становилась все напряженнее — исчезновение жениха повергло всех родственников в ужас — никто не знал, что делать и что предпринять, никто уже не верил в то, что свадьба вообще состоится. Приглашенные нервно ходили по двору, то и дело прикладывая ладонь ко лбу козырьком, всматриваясь вдаль — не появился ли жених вдалеке, меж хрущевок, в буйном майском цветении сирени.

Во всей этой сложившейся наэлектризованной обстановке сохраняла полное спокойствие лишь мать Димы (т.е. моя вторая бабушка). К одиннадцати утра она на радостях уже пропустила стаканчик-другой (да и, наверное, третий с четвертым) крепленого вина и, разложив прямо на лавке у подъезда штук пятьдесят синих кур, неторопливо и обстоятельно общипывала первую.

— Ой! Прасковья Андреевна! Ну что вы делаете! Жениха нет! Ничего не готово! — подлетев к сватье, возмущалась предполагаемая теща.

— Будет жених! — упрямо ответила та, швырнув лысую курицу через плечо к себе на кухню первого этажа.

— Откуда ему взяться! И что вы пьете-то раньше времени!

— Радуюсь! А жених будет! — настаивала сватья.

— Нет, откуда ему взяться?! Вы мне скажите! Откуда?

— Гришка! — на выдохе пьяно гаркнула Прасковья Андреевна, и из дома выскочил двоюродный брат моего отца. — Женихом сегодня будешь! — отрезала она, запульнув очередную курицу в окно.

— Как это?! — опешила бабушка. — Я не позволю!

— Тут не до позволю-не позволю! Гришка на Димку похож? — Она в упор посмотрела на будущую родственницу и сама же ответила: — Похож.

— Но дело-то не в их сходстве!

— В чем же? — Судя по всему, сватья устала говорить и изъяснялась короткими предложениями, упуская из речи ненужные, второстепенные, сорные, по ее мнению, слова.

— В паспорте! Как вы не поймете-то?

— А пачпорт Митенька забыл, оставил. Вот он, пачпорт! — На порог вылетела худая, сутулая, беззубая бабка с бесконечным носом — старшая сестра Прасковьи Андреевны. — Гриша пойдет вместо Мити с его пачпортом.

— А как же ваш Митенька без паспорта в училище поступит?

— Вот его и нету-тить так долго поэтому. Его там, наверное, спрашивают — где, мол, пачпорт, а он им доказывает, что дома, — рассудительно объяснила Галина Андреевна.

— Так-то! — торжествующе воскликнула Прасковья Андреевна и принялась кидать в окно неощипанных кур — видно, занятие это ей порядком поднадоело — решила, что и опущенная дичь на столе — тоже совсем неплохо.

Надо сказать, дядя Гриша вполне мог бы сойти за моего отца — между ними действительно наблюдалось паразитальное сходство. Однако они не бы-

ли близнецами, более того — приходились друг другу всего лишь кузенами. Черты лица Григория были более грубыми и ярко выраженными, нежели у брата. К примеру, волевой подбородок отца у дяди Гриши казался выдвинутой челюстью, крупный нос — длинным, голубые глаза — выцветшими, полинялыми какими-то...

Уж все куры горой были навалены на полу в кухне, Прасковья Андреевна прилегла на кушетку возле них отдохнуть — вздремнуть часок-другой, Григорий натягивал свадебный костюм кузена, невеста рыдала, ее мать закатывала глаза к потолку, пытаясь дощипать неощипанных сватьей птиц, как в этот момент нарисовался жених в разорванной в клочья рубашке и с разбитой физиономией.

Прасковья Андреевна открыла один глаз и весомо сказала:

— Дурак, — и перевернулась на другой бок.

— Подрался в поезде с одной сволочью! — доложил тот.

— Ну что, подал документы в военное училище?! — сквозь слезы спросила невеста, повертев паспорт перед его носом.

— Слада, я ж не нарочно его забыл! Я так спешил, так спешил! Успел ведь! — Он крепко заключил в объятия «маму» с невестой и, проникновенно глядя то на ту, то на другую, крикнул: — Гришка, а ну-ка снимай мой костюм!

И все дурные мысли, опасения, сомнения в одну минуту были развеяны — теща смотрела на зятя с подобострастием и гордостью одновременно, взгляд невесты был переполнен нежностью и любовью.

Свадьба удалась на славу — жильцы двух подъез-

дов (второго, где жил жених, и четвертого, где обитали невеста с матерью и старшим братом) одного дома высыпали на улицу и с наслаждением уписывали жареных кур, несмотря на то, что иногда кому-то из них попадались волоски и даже перышки, пили горькую за сладкую, счастливую жизнь молодоженов, закусывая салатами из свежих, только что появившихся на рынке помидоров с огурцами за П-образным гигантским столом, лихо отплясывали летку-еньку, твист и шейк, ломая каблуки и стирая набойки.

Через три месяца столь же бурно провожали в армию Дмитрия Перепелкина, а еще спустя три месяца ко второму подъезду пятиэтажного дома подъехала такси, из которого выпрыгнул сначала дядя Гриша, а потом Матрена Перепелкина вылезла со мною на руках.

Нечего сказать, я попала в странную семейку. Это сейчас, во второй раз, я уже знаю, что к чему, но представляю, какой шок я пережила, очутившись тут впервые — в прошлой своей жизни.

Квартира, в которой мне предстояло прожить некоторое время, оказалась незапертой — она вообще никогда не закрывалась, несмотря на то что располагалась на первом этаже. Всякий, кому заблагорассудится, мог бы открыть дверь ногой, затеряться в хаосе, царившем в коридоре, кухне и двух комнатах, стащить что-нибудь и удалиться так же незаметно, как и войти.

Только меня внесли в квартиру, как в нос сразу же ударил едкий и сильный, противный запах масляной краски.

— Фу! Чем это у вас тут так несет?! — крикнула с

порога мама. Ответили ей не сразу. Более того, мне показалось, что дома никого не было, но через пару минут в узком коридоре появились двое, и к резкому запаху масляной краски примешался еще один — устойчивый, не менее едкий и раздражающий — спиртовой.

— Слада! — всплеснула руками женщина лет сорока пяти и от восторга, радости и пьяного бессилия тут же уронила их — теперь верхние ее конечности, яко две селедки, попавшиеся на крючки, болтались по швам. — Люба, дурак, ремонт затеял! — Ее блаженно-восторженный тон резко сменился на укоризненно-осуждающий. — Я ему говорю: «Люба — ты во!» — И она покрутила пальцем у виска. — А он говорит: успеем! Ну что, успели? Дурень ты малахольный! Дурак, — легкомысленно заключила она, махнув на него рукой в знак того, что человек он потерянный и неисправимый.

Только потом я узнала, что Любой в этой чудной семейке называли Алексея Петровича — того самого, что в белой шляпе и костюме лез на третий день после моего рождения по водосточной трубе и настойчиво барабанил по стеклу, требуя, чтобы ему немедленно показали внучку. Это был склонный к полноте мужчина, на вид — лет пятидесяти, работал на мясокомбинате и всегда поражал окружающих своей способностью поутру быть в меру упитанным, а к вечеру, идучи с работы, увеличиваться в размерах чуть ли не вдвое. Затем, на славу пообедав, он по обыкновению выходил во двор поиграть в карты или в домино, и снова соседи видели не тучного и опухшего какого-то Петровича, а лишь в меру упитанного. Разгадку сих метаморфоз знали

лишь домочадцы и свято хранили ее даже от меня, а я, в свою очередь, только и делала, что, оторвавшись от материнской груди, а затем и от рожка, сначала сосала, словно лимонные кондитерские дольки, сырокопченую колбасу, а когда прорезались зубы, с азартом рвала ее клыками. Через несколько лет великая тайна открылась и мне: бабушка-голубчик таскал с родного мясокомбината колбасу (предварительно разрезав ее вдоль) в рукавах, внутренних карманах пиджака, за поясом и даже в штанах (что придавало ему необыкновенную мужественность). Нехорошо, конечно, но зато родные и близкие были сыты и счастливы.

Впоследствии оказалось: в семье, куда я попала, все называли друг друга какими-то подозрительными именами, можно даже сказать, кличками, причем малообъяснимыми и необоснованными: бабушку-несуна, как уже было выше упомянуто, — Любой, что для меня по истечении тридцати лет так и оказалось загадкой. Не из-за большой любви супруга так величала своего мужа! Саму бабушку — Прасковью Андреевну — дома называли Фросей. Лет до двадцати я была уверена, что полное ее имя Ефросинья и что Паня (как иногда звала ее я) — это всего-навсего производное от Ефросиньи. Величайшим открытием для меня стал тот факт, что Фросей ее окрестили после выхода фильма «Приходите завтра» — мол, из-за того, что у Прасковьи Андреевны был точно такой же сильный голос, как у героини фильма — Фроси Бурлаковой, и точь-в-точь такие же длинные, густые косы. Однако кос я не застала — к моему рождению великолепная бабушкина шевелюра только и делала, что сушилась отдельно

от своей обладательницы на батарее, и прикреплялась к голове лишь в самых исключительных случаях — например, тогда, когда ей разрешалось погулять со мной после работы часок-другой. Как, впрочем, не застала и ровного ряда мифических зубов, от которого остался один передний верхний резец. А работала она упаковщицей на молокозаводе, причем очень хорошо — даже грамоты получала за высокую производительность труда. И в отличие от своего мужа — расхитителя общественной собственности — приносила домой не продукт питания, получаемый от домашних коров, а рулоны плотной бумаги, на которой, кроме красных и голубых треугольников с надписью «молоко пастеризованное», ничего другого нарисовано не было. Бабушка надевала белый халат, варила клей и трудилась сверхурочно, потому что работа была сдельная. Но корпела она над своими пакетами только в те дни, когда не сотворяла возлияния Бахусу. Тут непременно надо заметить, что никто и никогда в нашем дворе, где все было, как на ладони, и все знали друг друга, как самого себя, и помыслить не мог, что ударница труда Прасковья Андреевна Перепелкина может злоупотреблять спиртными напитками. Не знала об этом и моя мама, покуда не переехала на постоянное жительство с пятого этажа четвертого подъезда на первый этаж второго подъезда того же дома. Упаковщица молочного завода, даже находясь в крайней степени опьянения, за всю свою жизнь ни разу не высунула носа из дома! Хотя она и любила попеть песни и подрать глотку, убежденная в том, что вокальные данные у нее ничуть не хуже, чем у Фроси Бурлаковой, ее, несмотря на тонкие стены

наскоро выстроенных хрущевок, не слышал никто. А пристрастилась бабушка к зеленому змию незаметно ни для кого. Лет десять до моего рождения в знойный день утолила она жажду холодненьким бочковым пивом и, поняв, что это совсем недурно, буквально на следующий же вечер составила Любе компанию по случаю его зарплаты. И так пошло и поехало под предлогом «Чтобы Любе меньше досталось!». В скором времени Любе не доставалось практически ничего, и он, получив зарплату, шел не домой, а в пивнушку.

— Э-эх, бабка! — многозначительно сказал Люба, прищутив и без того свои заплывшие маленькие глазки.

— Покажи, покажи внучку! — И бабушка дотронулась до моего подбородка холодной рукой, пахнувшей селедкой. — Ну копия Митенька! Копия! Когда я его родила, он был точно таким же маленьким! — с гордостью заявила она.

— Квадрат 136! Цельсь! Пли! — ни с того ни с сего, чуть пригнув голову, словно уберегая ее от только что просвистевшей пули, скомандовал дедушка.

— Молчи, Люба! — приказала бабушка и ласково, даже несколько виновато проговорила: — Слад! Идите, посмотрите, мы ремонт на кухне делаем!

— Нашли время! — возмутилась Слада, но все-таки прошла взглянуть на работу свекра со свекровью.

...Над кособоким, заваленном грязными тряпками, банками, кисточками и прочим хламом столом, посреди которого стрелой возвышалась бутылка пшеничной водки, красовалось три размашистых мазка бешеного василькового цвета, напоминаю-